

Discussions

Полемика

Украинско-русская смешанная речь “суржик” в системе взаимодействия украинского и русского языков

Сальваторе Дель Гаудио

Киевский национальный
университет им. Т. Шевченко /
Институт языкознания им.
А. А. Потебни НАНУ, Киев, Украина

Ukrainian-Russian Mixed Speech “Suržyk” within the System of Ukrainian and Russian Interaction

Salvatore Del Gaudio

Taras Shevchenko National University
of Kyiv / Potebnja Institute for Lin-
guistics of the National Academy of
Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Резюме

Вопрос о такой форме смешанной украинско-русской речи, как “суржик”, занимает существенное место в многочисленных социолингвистических исследованиях и в работах о восточнославянских языковых контактах. В настоящей статье автор рассматривает ряд дискуссионных вопросов, подтверждает свои предыдущие выводы о естественном характере украинско-русского суржика, рассматривает некоторые другие формы потенциального языкового смешения, которые являются типичными для украинской социолингвистической ситуации, предлагает критерии разграничения таких форм смешения и украинско-русского “суржика”.

Ключевые слова

украинско-русский “суржик”, украинский диалектный субстрат, языковой контакт на Украине, украинский вариант русского языка

Abstract

The question of different forms of real and/or presumed mixed speech, a consequence of the interaction between Ukrainian and Russian and widely known as

“Suržyk,” remains central in much of contemporary Ukrainian and, more widely, East Slavic sociolinguistic and language contact research. This article pursues a twofold aim: first, I intend to reaffirm my personal hypothesis on the formation process of this mixed speech, which has at times been cited without attribution in the scholarly literature. Second, the paper aims to examine the functioning of Ukrainian-Russian Suržyk within a broader sociolinguistic framework that takes into account other forms of language interaction. Ukrainian-Russian mixed speech in fact has to be assessed and separated from other factors, such as the Ukrainian variety of Russian, dialects, etc. This approach has rarely been applied in previous studies on the topic. The role played by current language ideology is a further essential aspect in establishing which language elements should be attributed to Ukrainian-Russian Suržyk. This undoubtedly affects the average speaker’s judgment about the degree of authenticity of Ukrainian forms. One can note a tendency to restrict the synonymic potential of Ukrainian in favor of lexemes and constructions that are dissimilar to Russian. This situation tends to alter the language consciousness of younger generations of Ukrainian speakers, who are likely to perceive as Russian (and therefore part of the Ukrainian-Russian mix) elements that are in fact authentic Ukrainian speech elements. These and other related aspects will be the object of my discussion.

Keywords

Ukrainian-Russian mixed speech, Suržyk, dialectal substratum, language contact in Ukraine, Russian in Ukraine

Введение

Вопрос взаимовлияния украинского и русского языков на территории Украины был ключевой проблемой украинской лингвистики на протяжении XX в. В советский период изучение соотношения этих двух языков и проблемы интерференции украинского и русского языков имело большое значение для повышения культуры русской речи на Украине. Проблема билингвизма украинского населения также привлекала внимание ученых. Этим вопросам посвящены многочисленные монографии и статьи. Однако интерес в рамках языковых контактов к такому феномену, как “суржик”¹, под которым прежде всего подразумевается смесь

¹ В статье мы не рассматриваем детально этимологию слова “суржик”, его семантическое расширение от аграрной сферы к языковой со значением ‘смешанная речь’, ‘языковая смесь’. Употребление этого слова в кавычках объясняется тем, что среди лингвистов нет единогласия в точном определении термина, несмотря на то, что он зафиксирован в “Энциклопедии украинского языка”. Существует ряд публикаций, в которых рассматривается научно-популярное значение этого “смешанного” языкового образования. Важно отметить, что название “суржик” известно еще с 1920-х гг.; об этом писал Б. Ларин [1928: 198]; Ю. Шевелев в своих воспоминаниях отмечал, что впервые услышал о “суржике” как о смешанной украинско-русской речи восточных украинских сел в 1930-х гг. [Шевельов 2001: 173]. Безусловно, анализ первых сведений об употреблении этого слова мог бы уточнить время его появления, а

украинского и русского языков, усилился во второй половине 1990-х гг. Возобновившийся научный интерес к этому явлению, несомненно, связан с новым процессом культурно-языковой украинизации вследствие обретения Украиной независимости в 1991 г.

За исключением отдельных научных статей, опубликованных зарубежными украинистами, такими как О. Горбач [Норватсчн 1988], в большинстве публикаций о "суржике" в 90-х гг. XX столетия, особенно на Украине, наблюдалась некоторая предвзятость по отношению к этому феномену, что, вероятно, было связано с преобладающей языковой идеологией², направленной на поддержку и распространение литературной нормы государственного языка. По этой причине в статьях подчеркивалась негативность такого "хаотического, губительного гибрида", как "суржик", являющегося главным препятствием для развития языкового и культурного самосознания украинцев и результатом "чужого", негативного влияния на развитие украинского языка³.

В зарубежной украинистике статья М. Флаера [Флиер 1998] отметила первое существенное различие между характером прежних публикаций и содержанием новых исследований данной проблематики. Фактически стали говорить об изучении "суржика" (и подобного ему феномена — белорусской "трасянки") как о самостоятельном направлении исследований⁴.

также период осознания говорящими на "суржике" разницы между литературным языком и устным, смешанным вариантом. О дефиниции "суржика" см.: [Флиер 1998: 113; Энциклопедия 2000: 616; 2004: 665–668; 2007: 689–682; DEL GAUDIO 2006: 236–238; 2010: 14–20; ВРАСКИ 2009: 49–57; МАСЕНКО 2011: 4–12].

² Для многих противодействие "суржику" означало борьбу против русификации. Например, Л. Биланюк пишет о препятствиях, которые пришлось преодолевать, чтобы взять интервью о "суржике" в первой половине 90-х [ВИЛАНЮК 2005]. О роли языковой идеологии в постановке этого вопроса также см.: [BERNSAND 2001].

³ Ср.: "Сьогодні слово «суржик» почали вживати і в ширшому розумінні — як назву з д е г р а д о в а н о г о, убогого духовного світу людини, її відірваності від рідного, як назву для мішанини залишків давнього, батьківського, з тим чужим, що нівелює особистість, національно-мовну свідомість. Мішаниною двох мов — української та російської — говорить частина людності України, хоч загальновідомо, що користуватися сумішшю з двох мов — це одне з найтривожніших явищ загальнопедагогічного характеру. С к а л і ч е н а м о в а о т у п л я є л ю д и н у, зводять її мислення до примітива. [. . .] Суржик в Україні є небезпечним і ш к і д л и в и м, бо паразитує на мові, що формувалась упродовж віків, загрожує змінити мову. . . ." [СЕРБЕНСЬКА 1994: 6–7; разрядка наша. — С. Д. Г.]. Аналогічні мисли висказувались і в других работах, например: [КОЗНАРСЬКИЙ 1998; ОКАРА 2000; РАДЧУК 2000; СЕРБЕНСЬКА 2002; СТАВИЦЬКА 2001; МАСЕНКО 2004]. Такого рода висказывания в англоязычной социолингвистике принято называть термином "stigmatization", однако в соответствующей русской литературе термин "стигматизация" пока еще мало употребляется.

⁴ Начиная с Первого международного симпозиума, посвященного вопросу "суржика" и подобного ему феномена — белорусской "трасянки" (Ольденбург 2007 г., Германия), обсуждалась приемлемость употребления английского термина "Suržyk Studies", т. е. 'суржикистика' (см. также об этом: [DEL GAUDIO 2014]).

Во второй половине 2000-х гг. были защищены первые диссертации, полностью посвященные изучению этой проблематики⁵. За последние пять лет были опубликованы три монографии, посвященные “суржику” [ВРАСКІ 2009; DEL GAUDIO 2010; МАСЕНКО 2011], ряд других — в процессе подготовки.

В 2010–2014 гг. “суржик”⁶ активно исследовали⁷ И. БРАГА [2011], Л. ДИКА [2011], У. Долешаль, В. Дубичинский, Т. Ройтер [Долешаль и др. 2011], М. Флаер [FLIER 2012], А. Тараненко [2013] и др.⁸ Новизна этих исследований состоит в более конкретном определении области исследования и, соответственно, более четкой дефиниции слова “суржик”. Фактически, научные дискуссии как об определении термина, так и о границах исследования “суржика” присущи большинству публикаций последнего десятилетия [КУРОХТИНА 2012]. Вопрос терминологического несоответствия при употреблении слова народно-бытового происхождения для обозначения этого преимущественно социолингвистического феномена был также предметом активной дискуссии как во время Первого симпозиума, посвященного теме белорусской “трасянки” и украинского “суржика” (Ольденбург, 2007), а также в рамках международного INTAS-проекта (2006–2008) [Дель Гаудио, Тарасенко 2008; DEL GAUDIO, TARASENKO 2009]⁹.

В исследованиях последних четырех лет для определения данного поля исследования широко используется термин “украинско-русский суржик” (УРС). Можно согласиться с распространенной точкой зрения, что в языковом сознании среднестатистического говорящего на Украине под “суржигом”, помимо украинско-русской и русско-украинской смеси, также подразумеваются иные нестандартные формы смешения в результате интерференции двух или более языков (например, *украинско-польский суржик*), а в среде эмигрантов подразумевается влияние

⁵ Первая диссертация в Европе, полностью посвященная этой теме, принадлежит автору настоящей статьи.

⁶ Систематизация данных об исследованиях, посвященных явлению “суржик” до начала 2008 г., см.: [DEL GAUDIO 2010: 27–40]. Отметим, что в обзоре литературы мы не рассматриваем монографию А. Брацкого [ВРАСКІ 2009], равно как в труде польского лингвиста не рассматриваются наши предыдущие исследования. Такой недостаток, вероятно, объясняется тем, что оба работали параллельно, независимо друг от друга.

⁷ К этому списку добавим еще две статьи автора, завершенные в 2007 г. и опубликованные по разным причинам только в 2010 и 2012 гг.: [Дель Гаудио 2010; 2012].

⁸ В статье рассмотрены публикации о “суржике” до начала 2014 г.

⁹ Из двух проектов сборника один был опубликован на украинском языке, а другой — на английском; украинская версия статьи “Суржик: актуальні питання та аналіз конкретного прикладу” была сокращена до размера редакционной заметки участников совместного проекта. Потому аутентичное содержание статьи находится только в английской версии.

местного языка на украинский (например, *украинско-итальянский суржик* и т. д.). Такова трактовка “суржика” в широком понимании (*sensu lato*) этого языкового явления. Однако необходимо подчеркнуть, что значительная часть украинцев, как правило, ассоциирует слово “суржик” с украинско-русской смешанной речью, т. е. украинским языком с добавлением русских элементов (*sensu stricto*). Для более конкретного определения объекта нашего полевого исследования была предложена дефиниция “прототип (или базовый тип) суржика” [DEL GAUDIO 2006: 237; 2010: 19–20]. Наше определение функционально совпадает с трактовкой украинско-русского “суржика” (в дальнейшем УРС) как идиома, согласно более актуальной терминологии [ТАРАНЕНКО 2013: 28–37].

Кроме проблемы дефиниции, которая непосредственно связана с более точным определением сферы исследования, остаются нерешенными некоторые важные вопросы, в частности:

1) способы разграничения явления УРС и других форм украинско-русской и русско-украинской интерференции с разными вариантами устной речи Украины (например, диалекты, разговорная речь (просторечие) с вкраплением настоящих и предполагаемых русизмов и т. д.);

2) периоды и способы образования УРС (последние оказываются непосредственно связаны с этапами формирования и стандартизации современного украинского литературного языка);

3) роль языковой идеологии / явления пуризма в украинской грамматике и лексике в изменении языкового сознания современного среднестатистического носителя украинского языка.

Такие взаимосвязанные аспекты заключают в себе устранение языковых черт и элементов, общих по происхождению или формально совпадающих с русским языком, которые воспринимаются среднестатистическим респондентом как русские или “суржиковые” вкрапления. Именно эти вопросы, послужившие основой дискуссии, проведенной во время Пятого Международного конгресса исследователей русского языка, являются объектом настоящего исследования [Дель Гаудио 2014: 625–626].

1. УРС в системе взаимодействия украинского и русского языков

В последнее время в “суржикистике” нашли широкое распространение идеи о роли украинских территориальных диалектов в формировании “прототипа УРС”, причем допускается наличие определенной структуры этой речи. Такая тенденция обнаруживается не только в некоторых интернет-источниках, претендующих на энциклопедичность¹⁰, она также

¹⁰ Ср., например, в русской “Википедии” (<https://ru.wikipedia.org/>): “Суржик образовался в среде сельского населения в результате смешения украинских говоров

очевидна в новых работах на эту тему. Исходя из этого, мы последовательно сформулировали следующие тезисы:

1) украинский диалектный “субстрат” и наложение русских элементов — “суперстрат” — являются фундаментальными компонентами в образовании того, что мы назвали “прототип суржика” и что ныне, в соответствии с новой терминологией, можно назвать “прототипом УРС” или украинско-русской смешанной речи [DEL GAUDIO 2006: 238; Дель Гаудио 2007: 8–9];

2) в нем можно выделить элементарную структуру с межрегиональными, повторяющимися элементами [Дель Гаудио 2012].

Порою кажется, что некоторые исследователи упускают из виду вышеперечисленные аргументы и вклад автора настоящей статьи в разработку проблем “суржика”¹¹.

А. Тараненко, например, описывая УРС как специфическую речь (особый идиом) и квалифицируя его как один из социолектов украинского языка, подчеркивает, что он сформировался путем “нашарування російського «суперстрату» на «субстрат» українського просторічного (переважно в міському середовищі) та діалектного мовлення” [ТАРАНЕНКО 2013: 33].

Также неубедительным является утверждение А. Тараненко о том, что “прототип УРС” (или, по его выражению, “УРС как идиом”) в городской среде скорее базируется на форме украинского просторечия, чем на диалектной речи. Соглашаясь с В. М. Трубом [2000: 46–58] и несущественно модифицируя его мнение о существовании украинского просторечия, мы подчеркиваем, что именно УРС выполняет эту функцию среди украиноязычного населения в городской среде центрально-восточной и северной Украины [DEL GAUDIO 2010: 239–242]. В то же время в отношении центральной Украины мы не можем утверждать вышесказанное из-за отсутствия соответствующих работ целенаправленно исследовательского характера. Напротив, в таких городах западной Украины,

с русским разговорным языком” (статья “Суржик”; дата обращения: 15.12.2015). Аналогичная мысль содержится в украинской “Википедии” (<https://uk.wikipedia.org/>): “Слід також звернути увагу, про існування з давніх-давен діалектів, які були проміжними між діалектами староруської мови, які склали основу сучасної літературної української і діалектами, які склали основу сучасної літературної російської мови” (статья “Суржик”; дата обращения: 15.12.2015).

¹¹ См. рецензию на нашу монографию в журнале “Мовознавство” [Брицин та ін. 2011: 92]. Справедливости ради следует отметить, что в отдельных публикациях некоторые историки украинского языка (например, Л. П. Гнатюк и др.) трактовали определенные лексемы, формально совпадающие с русскими, не как “суржикизмы” или русизмы, а скорее как исторические реликты и диалектизмы. Однако, насколько нам известно, в их работах вопрос “суржика” систематически не изучался в своей целостности и не обсуждалась конкретно теория субстрата и суперстрата.

как Львов, где украинский язык покрывает практически все коммуникативные сферы, правомерно говорить об украинском просторечии или об украинском городском региолекте [Палінська 2010; Герд 1998].

Большинство наших информантов (среднего и старшего поколения, 35–70 лет) показали, что “прототип УРС” является их природной, естественной речью. Общение с детьми на нем, особенно со стороны старшего поколения, привело к относительной стабилизации этой речи. Из лингвистической литературы известно, что именно дети являются носителями инноваций или стабилизации языковых процессов.

С лингвистической точки зрения в “прототипе УРС” наблюдается определенное количество повторяющихся грамматических, фразеологических и лексических структур, независимо от области происхождения¹². В связи с этим можно предположить, что сегодня УРС, особенно для среднего и младшего поколений, функционально заменяет диалект, вытесняя последний во многих центральных и северных областях. Однако предложенная нами гипотеза нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

Если сравнить общие характеристики УРС и примеры, приведенные А. Тараненко [ТАРАНЕНКО 2013: 28], характерные для Днепропетровской области, с их эквивалентами в Киевской, Полтавской, Житомирской, Черниговской, Харьковской и других областях, то становится очевидным, что типичные маркеры, ассоциируемые с УРС, не отличаются между собой существенно [DEL GAUDIO 2010: 63–138]. В УРС наблюдается высокий процент наречий, союзов, частиц, некоторых местоимений и слов, касающихся техники, технологии и бытовых реалий, либо русского происхождения, либо формально совпадающих с ними, например¹³: *да vs. так; час vs. зараз; еслі vs. якщо; звідки vs. откуда; іменно vs. саме; медлено vs. повільно; даже vs. навіть; нет / не vs. ні; конешно / канешно vs. звичайно / звісно; напевно vs. напевно / мабуть; наприклад vs. наприклад; допустім vs. припустімо; между vs. між; первий vs. перший; луч(ш)e vs. краще; получав vs. отримував; настроєніє vs. настроїї; язык vs. мова; робіть* в значении ‘работать’ и многие другие. Некоторые лексемы в “суржиковой” речи употребляются в качестве синонимов: *када / коли; ето / це; хорошо / добре; від / од; нада / треба; перший / первий* и т. д. Отметим, что не все лексемы взаимоисключают друг друга. Некоторые элементы в украинском языке имеют исторический характер, о чем свидетельствуют диалекты и произведения украинских писателей XIX в.; в случае говорящих на УРС эти лексемы рассматриваются как дублеты.

¹² Имеются в виду области центрально-северной и центрально-восточной Украины, в которых были отобраны наши информанты.

¹³ Примеры предложены в украинской орфографии для наглядности.

Кроме того, такие фразы, как *не обрачай вніманія! откуда я знаю?! та харош... я оце тобі сказав, і всьо! думай самостоятельно* и т. д., встречаются в очень широком ареале. Вариации в основном касаются произношения отдельных фонем и интонации, ср.: *Йому ж казать бісплезно — бесплезно; Він тіки після втoрой смєни освободився, приїжжає пізно — він то(ль)ка после втoрой смєни освободився, приїжжає позна* (север Киевской и Черниговской области); *самостоятельно — самостаятельно; дісвітільно шо-то не так vs. дісвітельно шо-то не так* и др.

Вышеприведенные примеры и результаты собственного анализа текстов на “суржике” дают возможность утверждать, что настоящее или гипотетическое влияние русского языка на украинский субстрат более очевидно в области лексики (причем чаще всего среди дискурсивных маркеров), в тех случаях, когда базовые морфосинтаксические структуры опираются на украинскую основу. Поэтому мы рассматриваем “прототип УРС” в структурном плане как разновидность украинского языка. В связи с этим можно провести параллель с природой современного английского языка, который, несмотря на существенное влияние латыни и старофранцузского языка, относится по своей базовой структуре к германским языкам.

Это не исключает региональной вариативности, поскольку УРС, как каждое языковое явление, подвергается территориальной и социальной изменчивости. В этом плане такой главным образом разговорный вариант языка¹⁴ находится на границе между диалектом и просторечными формами украинского языка: в нем выявляются региональные черты с добавками русских элементов, нечто вроде регионального койне [Беликов, Крысин 2001: 34; Дель Гаудио 2012; Демченко 2012: 56–57].

В украинском языковом ландшафте, кроме “прототипа УРС”, также сосуществуют индивидуальные формы употребления смешанной речи (идиолекты), часто ассоциируемые с низким уровнем образования говорящего и не вполне адекватным языковым сознанием.

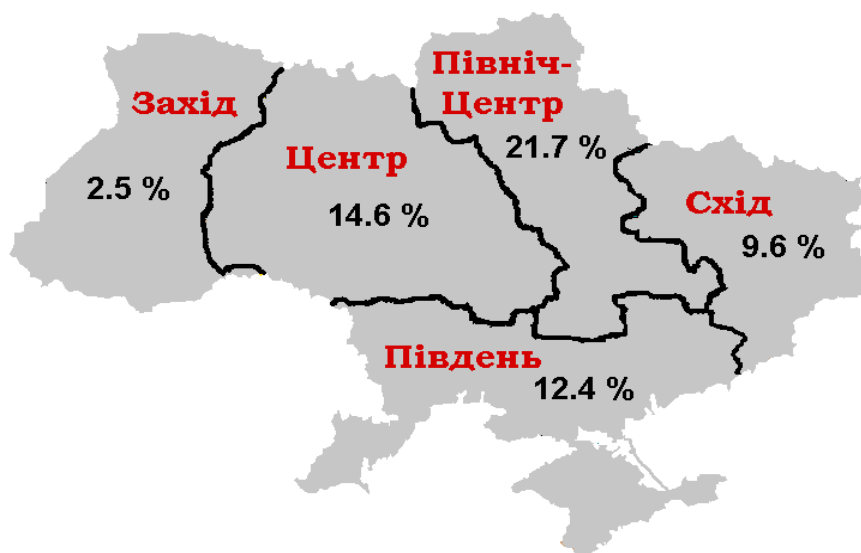
Эти идиолекты также обусловлены психолингвистическими факторами. Такие “с у р ж и к о в ы е” идиолекты проявляются в зависимости от ситуативности дискурса; они часто являются формами приспособления (адаптации) к речи собеседника, и потому сложно определить базовую структуру принадлежности языка. Несмотря на то, что

¹⁴ Также существует осознанное использование “суржиковых” элементов в современной художественной литературе с целью стилистической окраски или для того, чтобы передать читателю ощущение реального контекста. Однако такие попытки часто являются искусственными конструктами. Что до употребления “суржика” в СМИ, ситуация немного сложнее. Если речь идет о спонтанном интервью или ток-шоу, то возможное употребление УРС приближено к реальности.

психолингвистические аспекты мотивированных и немотивированных форм смешения не касались прямого объекта нашего исследования, мы отметили, что в функционировании “прототипа УРС” существенную роль играют также дополнительные факторы и такие коммуникативные стратегии, как, например, переключение и смешение кода¹⁵, ментальная ассоциация, адаптация и т. д.

По данным INTAS-проекта [BESTERS-DILGER 2009: 109, 389], на “суржике” постоянно говорит около 3,1% населения. Вопрос о том, какой именно вид “суржика” — идиолект или социолект, на основе украинского или русского языка — имели в виду исследователи фокус-группы Украинского института социологии во время проведения исследования, остается открытым.

Подчеркнем, что социолингвистические результаты исследований, которые показывают распространение “суржика” (см. нижеприведенную карту), часто зависят от социологических подходов к проведению анализа. Распространение “суржика” по макрорегионам, по данным Киевского международного института социологии 2003 г., выглядит следующим образом¹⁶:

¹⁵ Напомним, что смешение кода, в отличие от переключения, не происходит в процессе одного разговора. В случае смешения кода переключение с одного языка на другой зависит от собеседника [AUER 1990; DEL GAUDIO 2010: 265–267].

¹⁶ Карта составлена полуанонимным пользователем украинской “Википедии” (для упомянутой выше статьи “Суржик”) на основе данных статьи В. Е. Хмелько [2004: 11], где суржик интерпретируется как “смесь украинского и русского”.

Что же касается социокультурного восприятия этого социолингвистического феномена, оценки, как правило, различны и субъективны. Кроме официальных результатов опроса из проекта, данные нашего исследования (2006–2007) показали, что далеко не все информанты негативно относятся к УРС. На самом деле этот феномен, несмотря на острую критику некоторых известных украинистов [Moser 2011: 250], часто ассоциируется с “чем-то родным, с семьей, друзьями, обстоятельствами”; по словам респондентов, “когда ты говоришь на суржике, ты расслаблен и не следишь за своей речью. Суржик также ассоциируется с сельским происхождением человека, говорящего на нем” (оба высказывания записаны нами в 2006 г. в Черниговской области от двадцатипятилетней респондентки с высшим образованием).

2. Формы отклонения от норм русского языка

В рамках разных форм интерференции и смешения кодов на Украине дискуссионным является вопрос возможного существования языкового смешения на основе русского языка, так называемого “русского суржика” (РС), в котором русский является базовым языком, а украинский — адстратом. Теоретически нельзя отрицать а priori возможные формы гибридизации на основе русского языка. Такая гипотеза была впервые сформулирована в “суржикистике” М. Флаером [Flaer 1998: 115–116], хотя уже в советские времена обсуждался вопрос “контаминации” двух языков в результате влияния украинского на русский, о чем свидетельствуют исследования о культуре русской речи на Украине [Ижакевич 1976; Брицын 1986].

По мнению некоторых ученых, русско-украинская языковая смесь возникла на фабриках, шахтах, среди малообразованных жителей и рядовых военнослужащих Донбасса. Такой вид смешения характерен для крупных индустриальных городов Восточной Украины¹⁷, таких как Харьков, Днепропетровск, Запорожье и др. Киевские пуристы той эпохи были скорее возмущены негативным влиянием этой языковой смеси на русский язык, нежели на украинский [Норватсх 1987: 218].

Не претендуя на роль исчерпывающего исследования, наши эмпирические наблюдения подтвердили, что в настоящее время большинство русскоязычного населения Украины в целом соблюдает грамматические нормы русского языка.

Несущественные отклонения от грамматических норм русского языка были замечены нами в двух периферийных русскоязычных селах Харьковской области во время нашего полевого исследования в 2007 г.,

¹⁷ Исторически в этих областях жили те, чьи потомки к настоящему времени обладают русской или украинской идентичностями.

посвященного вопросу о возможном существовании русско-украинского “суржика”. Наблюдения над речевым поведением ограниченного количества русскоязычных немобильных информантов старшего поколения, не имеющих базового образования, показали некоторые отклонения от норм русского языка, например: *А счас женщина там работае, но ничего... он ниче не казал, мавчал, не признавался*. Достаточно ли этих речевых отклонений, чтобы квалифицировать такую речь девяностолетнего респондента как “русский суржик”? По нашему мнению, такая речь еще остается в допустимых рамках русского языка с очевидными просторечно-диалектными чертами, характеризующими и южнорусские говоры (подробнее об этом см.: [DEL GAUDIO 2010: 244–248]). Употребление *в* вместо *л* в качестве украинского рефлекса в историческом сочетании *-ъл-* в корне (*мавчал*) или украинского окончания *-е* вместо русского *-ет(ь)* в речи респондентов не было последовательным.

Несомненно, речевое поведение информантов русскоязычных сел восточной Украины, особенно соседствующих с украиноязычным ареалом, требует целенаправленных социолингвистических исследований и уточнений. Как известно, в настоящий момент отсутствуют исследования, направленные на разграничение потенциального “русско-украинского суржика” и других форм интерференции и вариативности.

Украинские вкрапления (украинизмы) в речи русскоязычных жителей Украины объясняются в основном ситуативностью дискурса или выражают давно освоенные бытовые и административные реалии украинского общества. Кроме того, параллели с исследованиями статуса и вариативности русского языка в постсоветских республиках скорее показывают существование “национальных” или “региональных” вариантов русского языка, в зависимости от точки зрения и критериев оценки исследователя, а не настоящие формы гибридизации. Разумеется, после распада Советского Союза и под влиянием современных процессов развития национальных и этнических языков русский язык, особенно в его устной форме, впитывает местную специфику преимущественно на уровне фонетики и лексики (официально-административная сфера) и, в меньшей степени, на уровне грамматики (морфо-синтаксис) [Дель Гаудио 2011].

Такая разновидность русского языка, включающая национальные или региональные особенности местных языков, описывается в международной социолингвистике как “недоминирующие варианты полицентрических языков”¹⁸, таких как, например, английский в Ирландии,

¹⁸ Ср. англ. “non-dominant varieties of pluricentric languages”. Такая дефиниция предусматривает существование доминирующего варианта главной территории происхождения языка (центр), ассоциируемого с большим престижем, часто по причине исторического, экономического, политического происхождения государства, напр. Германия и Австрия; Великобритания и Республика Ирландия

испанский на Кубе или русский на Украине, в Белоруссии, Казахстане и т. д. [DEL GAUDIO 2013]. Вопрос о том, смогут ли эти варианты образоваться со временем самостоятельные и официально признанные системы русского языка по образцу американского, австралийского или ирландского вариантов английского, в данный момент остается спорным [Дель Гаудио 2010].

Проведение четкой границы между украинским вариантом русского языка (УР = “украинский русский”), с которым многие говорящие на этом языке идентифицируют черты “русского суржика” [FLIER 2008: 43–44], и русским стандартным языком (РР = “российский русский”, т. е. литературный русский), с одной стороны, и потенциальными гибридными формами (т. е. “русско-украинский суржик” — РУС) — с другой, является сложной задачей. Достижение такой цели возможно только на основе четко сформулированных критериев и полевых исследований. На данном этапе можно лишь предложить основные лингвистические и экстралингвистические критерии для разграничения вариантов УР и РР, а следовательно, УР и возможного РУС. Основные критерии для дифференциации УР и РР или гипотетически возможного РУС таковы:

- незначительная фонетическая, лексическая и структурная вариантность общепринятых норм стандартного русского языка рассматривается нами как УР, а не как РУС;
- определение одной формы регионального варианта как основной, осознание этого варианта со стороны русскоязычного населения Украины, его юридическое признание и соответствующая кодификация как отдельного национального варианта УР.

В случае с УР вариантность действует или проявляется более явно на фонетическом уровне и, в определенной степени, в лексическом выборе¹⁹. Здесь, кроме отдельных украинизмов, указывающих на бытовые реалии и административно-юридическую сферу, присутствуют также некоторые выражения и слова, отражающие местный колорит и культуру. Как было упомянуто выше, в морфо-синтаксисе также отмечаются некоторые отклонения от норм русского языка (РР), особенно в употреблении предлогов, ср.: *как пройти до метро — как пройти к метро?*; *скучать за кем-то — скучать по кому-то*; *жить в Украине — жить на Украине* и пр. [DEL GAUDIO, IVANOVA 2015].

и пр. Напротив, недоминирующий вариант языка (периферия) указывает на тот же полицентрический язык (т. е. язык, имеющий широкое распространение в нескольких относительно независимых друг от друга сообществах-государствах, каждое из которых вырабатывает свои нормы для данного языка) не являющиеся эталонным образцом для всех говорящих и часто имеющие негативную коннотацию [CLYNE 1992; MUNR 2005; DEL GAUDIO 2012].

¹⁹ О характеристике идиосинкразических черт УР см.: [Дель Гаудио 2011].

Поэтому задача дифференциации УР и потенциального “суржика” на русской основе сложна. Она предусматривает масштабное полевое исследование и детальный количественный анализ языковых данных по образцу Ольденбургской социолингвистической школы. Кроме того, необходимо учесть, что нельзя говорить о русско-украинском “суржике” в случаях “легкой”, спорадической, интерференции украинской фонетики в русскую. Также нельзя определить РУС как случайное смешение кода, когда один из собеседников говорит исключительно по-украински, а русскоговорящий адресат повторяет несколько элементов высказывания первого, напр. укр. *передайте, будь ласка, заяву* — УР *какую вам передать заяву?* (вместо рус. *заявление*).

Кроме того, мы также не рассматриваем как РУС временное и контекстуальное переключение кодов с целью оказания прагматического или стилистического воздействия на собеседника. Такие обстоятельства представляют скорее правила, чем исключения в ситуации билингвизма (или многоязычия) с чертами диглоссии (или триглоссии — если УС рассматривается как дополнительное языковое средство Украины), что характерно для украинского социума. Следовательно, если учесть предложенные выше критерии, то картина определения потенциально-го РС, даже на уровне идиолекта, становится менее пестрой.

3. Диалект или “прототип УРС”?

Другой дискуссионный вопрос касается критериев разграничения диалектов и “прототипа УРС”. В данном случае провести надежную разграничительную линию также непросто. Во-первых, исследователю, который пытается провести такое разграничение, необходимо обладать глубокими знаниями в области диалектологии, региональных и местных особенностей говоров той области, где в речи используют определенный вариант УРС, поскольку последний опирается на диалектную основу. Это особенно касается фонетических особенностей и частично лексики. Упрощенная грамматическая структура УРС не показывает существенной вариации в разных регионах, использующих подобный диалектный субстрат (например, в юго-восточном, северном диалектах).

Картина становится более пестрой, если учесть, что диалектная территория в течение нескольких десятилетий изменялась и подвергалась процессу стандартизации, приближаясь больше то к украинскому языку, то к русскому — в зависимости от географического расположения региона и других экстралингвистических факторов²⁰. В этом случае

²⁰ В отличие от основного массива украинского языка, своеобразная картина вырисовывается в пограничных зонах. Например, УРС в районах, прилегающих

процесс “с у р ж и к и з а ц и и” можно рассматривать как промежуточную стадию в осуществлении таких изменений: традиционно речь идет о переходе определенных групп населения на русский язык. В последние десятилетия также наблюдается распространение украинского литературного языка.

Важным фактом является то, что носители “прототипа УРС” (L1) в основном относятся к среднему и старшему поколению (40–70 лет). А молодые респонденты (20–35 лет) владеют украинским и русским языками без существенных отклонений от стандартной нормы, причем характерно преобладание или первого, или второго языка в зависимости от региона, в котором говорящий родился и вырос, а также от его/ее индивидуального выбора.

Во-вторых, базовые знания истории развития и стандартизации украинского литературного языка (и вообще восточнославянских языков) являются основным инструментом для объяснения и интерпретации происхождения определенных форм и элементов, которые сегодня рассматриваются как “суржикизмы”. На самом деле происхождение УРС нельзя истолковывать в узких рамках синхронной социолингвистики. Такой подход, как мы неоднократно подчеркивали, ведет к искаженной трактовке многих языковых элементов. Например, если в некоторых вариантах украинского языка существует корень *бистр-*, а сегодня в литературном языке допускается лишь *швидкий* ‘быстрый’, нельзя объяснить форму *бистріший* исключительно как результат гибридизации (русская основа *быстр-* + украинский афикс *-иш-* превосходной степени). Таких примеров достаточно много на всех языковых уровнях. В фонетике, например, для некоторых северно-восточных диалектов характерно сохранение этимологического *o* вместо *i*: *стол* – *стіл*; *дом* – *дім*; *моцно* – *міцно* или присутствие дифтонга *іе* вместо монофтонга *i* в новых закрытых слогах, ср. *хліб* – *хліб*. Известно, что переход этимологического *o* > *i* или *іе* > *i* не был равномерным и одновременным во всех диалектах украинского языка, что отчасти проявляется в художественных произведениях писателей и поэтов XIX в. и частично первой четверти XX в. [SNEVELOV 1979].

В лексике также наблюдается немалое количество слов, имеющих сегодня статус архаизмов / церковнославянизмов, диалектизмов или просто отмечающихся как “русизмы”, а в контексте смешанной речи как “суржикизмы”²¹, без оценки того факта, что эти лексемы не только

к Белоруссии, отражает некоторые белорусские черты в морфологии вследствие диалектных контактов и диалектного континуума.

²¹ Как будет видно в следующих параграфах, такой подход к изучению УРС связан с языковой идеологией, пуризмом и, следовательно, с изменением языкового сознания молодых поколений.

могли принадлежать старой украинской литературной традиции, но фактически были широко распространены в украинской художественной прозе XIX и раннего XX вв.; *врем'я — час, год — рік, літ — рокив, город — місто, граница — кордон, діло — справа, кусок — шматок, лице — обличчя, письмо — лист, праз(д)ник — свято, просьба — прохання, язык — мова, первый — перший, ждати — чекати, итальянец — італієць* и мн. др.²²

На Ольденбургской конференции (2007) и в ряде публикаций обсуждалось, что диалектно-лексический и исторический компонент “прото-типа УРС” состоит именно из таких и подобных им лексем [DEL GAUDIO 2008; 2014]. Этот подход вызвал острую критику со стороны таких ученых, как Л. Т. Масенко и М. Мозер. Интересно отметить, что основательный анализ языка Т. Г. Шевченко, осуществленный М. Мозером [MOSER 2008; МОЗЕР 2012], частично подтвердил результаты наших первоначальных наблюдений настоящей природы ряда “суржиковых” элементов.

Более того, куда могли исчезнуть церковнославянизмы (формально совпадающие с русскими эквивалентами по известным историческим причинам), которые характерны для прежних вариантов старого украинского литературного языка? Они продолжают существовать именно в таких устных формах, как диалекты и, следовательно, УРС.

Можно, безусловно, допустить усиление этих форм в речи респондентов из-за их схожести с русским литературным языком.

4. УРС в процессе стандартизации украинского языка

Помимо диалектного подхода происхождение УРС и существование потенциальных лексико-семантических и структурных “русизмов” необходимо исследовать в более широких рамках диахронической эволюции украинского языка²³.

Исходя из того, что до начала процессов стандартизации русского, украинского и белорусского языков большая часть населения,

²² Приведенные лексемы — результат случайной выборки. Лексемы в правой части дублетных пар считаются нормой современного украинского языка, а лексемы левой части в языковом сознании многих говорящих трактуются по-разному (как русские слова, диалектизмы, “суржикизмы”) — и тем не менее включены в большинство словарей украинского языка, а также в их современные электронные версии [СУМ 1970–1980; СМШ 1964; ЕСУМ, 1–7].

²³ Мы не рассматриваем детально ранние этапы (1798–1840-х гг.) формирования современного украинского литературного языка и его соотношение с другими литературными идиомами Украины в XVII–XVIII вв. В настоящей статье обращается внимание только на определенные аспекты и этапы процесса кодификации (стандартизации) так называемого “нового” украинского языка (ср. укр. терминологию: *нова українська літературна мова*).

проживающего в центральной части современной Европейской России и Центрально-Северной Украины (Полесье), говорила на наречиях, которые могли подвергаться изменениям в зависимости от диалектной зоны [Филин 1972; Півторак 2001], необходимо уточнить некоторые факты. Итак, можно предположить, что в той части Левобережной Украины, которая в XVIII в. входила в состав Российской империи, основная масса неграмотного населения говорила на украинских диалектах, в то время как военные, местные гарнизоны и чиновники подвергались процессу русификации или были русскими. Для выражения специфических понятий в таких сферах, как государственная администрация, армия, образование, церковь и т. д., эта часть населения была вынуждена употреблять термины, устойчивые словосочетания, формулировки из бывших украинских литературных вариантов (например, славяно-русского, делового языка Гетманщины и пр. [DEL GAUDIO 2009]). В состав этих литературных вариантов входили церковнославянизмы, полонизмы, староукраинские элементы и русизмы. Именно церковнославянизмы и отдельные староукраинские элементы, помимо естественных русизмов, из-за их формального сходства с русским языком могли придавать речи “российский” оттенок. Современный украинский читатель без специального историко-филологического образования, игнорируя диахронические изменения украинского языка, склонен воспринимать определенные формы текстов кон. XVIII – нач. XIX вв. как “русифицированные”.

Например, в отдельных публикациях о “суржике” [Враскі 2009: 113; МАСЕНКО 2011: 12–15] некоторые морфологические и лексические элементы в фрагментах произведений украинских писателей кон. XVIII – пер. пол. XIX вв. интерпретируются как русизмы (или “суржикизмы”). Действительно, проанализировать язык литературных произведений таких писателей, как И. Котляревский, Г. Квитка-Основьяненко и др., гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Тем не менее перед тем, как приступить к их анализу, необходимо учитывать следующие факторы:

а) наслоение разных литературных традиций староукраинского периода в процессе образования ‘нового’ украинского литературного языка (условно с 1798 г.);

б) стилистические приемы писателей в попытке передать разговорный язык определенных персонажей;

в) стремление к экспериментированию и созданию нового литературного языка.

Кроме того, для лучшего осмысления культурно-литературного контекста конца XVIII в. следует учитывать тот факт, что писатели Левобережной Украины, особенно в первые десятилетия XIX в., попали

под влияние черниговской литературной традиции, в основе которой лежали северноукраинские диалекты. Подчеркиваем, что северноукраинский диалектный ареал во времена Котляревского охватывал также северную часть Полтавской области. Поэтому восточнополесские диалектные черты были присущи разговорной речи киевского и полтавского регионов, составляющей основу "нового" украинского литературного языка, и большинство писателей нового украинского периода подверглись влиянию этой традиции [SHEVELOV 1966: 10–24]. Таким образом, черты северного украинского наречия и письменной традиции Черниговщины в большей или меньшей степени отражены во всех произведениях литераторов от И. Котляревского до Т. Шевченко. Следовательно, некоторые морфологические и лексические особенности часто цитируемых фрагментов "Энеиды" И. Котляревского или прозы Г. Квитки-Основьяненко, которые рассматриваются как своеобразная языковая гибридизация, являются продолжением ранее начатой письменной традиции. Действительно, создатель нового украинского литературного языка, кроме полтавского наречия, употреблял язык бурсаков и помещиков. По мнению Ю. Шевелева, Котляревский в этом также не отличался новаторством. Разница между прежней литературно-языковой традицией (XVIII в.) и последующей (нач. XIX в.) значительна, но не настолько, как предполагается²⁴. Исходя из сказанного, нельзя интерпретировать как "суржик", как предлагают вышеупомянутые социолингвисты, такие литературные фрагменты: *Се мертвий і не дишить, не видить, то єсть* . . . [Котляревский 1968: 42]; или из прозы Г. Квитки-Основьяненко [1969: 314–315]: *Казуснее діло! [. . .] Треба-надобно спросити у господина ісправника розрішення* . . . и др. [МАСЕНКО 2011: 15].

Как известно из исторической грамматики, глагольные формы 3-го л. ед. ч. настоящего времени, такие как *дишить, видить, єсть* и др., были нормативны в старом украинском языке, на котором частично основана традиция, начатая И. Котляревским [Жовтобрюх та ін. 1980: 203–204; Бевзенко та ін. 1978]. Форма *єсть* (3-е л. ед. ч. глагола *бути*), даже если ее рассматривать как архаическую или сугубо письменную, ни в коем случае не является русизмом. Тем не менее данная форма, которая часто проявляется в "прототипе УРС" параллельно с нормативной *є*, в сознании обычного информанта ассоциируется с русским влиянием. Кроме того, полная форма прилагательных — даже стилистически маркированная — остается нормативной в современной украинской грамматике.

²⁴ Ср.: "Kotljarevs'kyj gab viel eher die Sprache der Seminaristen der Bursa und der kleinen Gutsbesitzer als die der Bauern wieder. Letzen Endes ist er durchaus auch kein Sprachrevolutionär. Der Bruch zwischen der Sprache der Literatur des 18. und des 19. Jahrhunderts ist bedeutend, aber kleiner, als man annimmt" [SHEVELOV 1966: 14]. Также см.: [DANYLENKO 2008: 82–115].

Тем более, во многих диалектах полная форма прилагательных сосуществует с краткой формой.

Лексема *діло*, как отмечалось выше, характерна и для литературной традиции XIX – нач. XX вв., и для современной украинской устной речи. Дублетные формы *треба – надбно* были также характерными для этого периода. *Ісправник* (ср. укр. *справник*) можно рассматривать как реалию того времени, поскольку эта лексема называет одну из профессий царской России. Существительное *розрішення* (при укр. *розрішати, розрішення* и под.) по образцу *прошеніє* было очень распространенным в языке канцелярии (также см. об этом: [МОЗЕР 2012: 147]).

С другой стороны, несомненно существует много лексем, формально совпадающих с русскими. Это обусловлено тем, что в “украинском языковом варианте” российской Украины XIX в. определенные понятия, которые не относились к бытовой речи, выражались при помощи славяно-русизмов, формул и штампов русского языка канцелярии, который был официальным во всей империи. Кроме того, после ликвидации Гетманщины (вероятно, даже еще раньше) местное чиновничество и отчасти помещики пользовались в основном русским литературным языком.

Многочисленные русизмы, касающиеся научно-технического прогресса, начали быстро распространяться с расширением научных знаний и индустриализации на протяжении XIX в. Распространение русизмов было обусловлено тем, что украинский литературный язык ограничивался беллетристикой. Поэтому вся научная, культурная и публицистическая лексика украинского языка того периода опиралась на русский язык. Усилия создателей и идеологов современного украинского литературного языка П. Кулиша, И. Костомарова и др., несмотря на деятельность журнала “Основа” (1861–1862), не увенчались полным успехом. С одной стороны, деятельность журнала несомненно способствовала созданию условий для расширения основной украинской литературной лексики, которая позже вошла в “Словарь української мови” Б. Гринченко (1905–1907). А с другой – идеологи украинского языка не успели создать адекватную специальную лексику для дальнейшего развития украинского языка. Редакция журнала “Основа”, просуществовав менее двух лет, в 1862 г. прекратила свою деятельность по разным причинам, и прежде всего из-за проблем финансовых. Запреты царской России (Валуевский циркуляр 1863 г. и Эмский указ 1876 г.) на использование украинского языка пресекли все попытки создать собственную, независимую специализированную украинскую лексику [DANYLENKO 2010: 14].

Перенесение украинской культурной и языковой деятельности из российской Украины в Галицию (и в Западную Украину в целом) вследствие Указа 1876 г. и вплоть до Первой русской революции 1905 г.,

когда запрет на украинский язык был отменен, способствовало существенному изменению лексического состава и частично — грамматических особенностей украинского языка. Этот новый вариант украинского языка (нечто вроде синтетического компромисса между первоначальным центрально-восточным и западным украинскими вариантами) отражается в языке прессы кон. XIX — нач. XX вв.

Можно утверждать, что, не считая первого языкового синтеза П. Кулиша, Т. Шевченко и др. в середине XIX в., новая лексика, терминология и определенные структуры украинского языка формировались в Галиции, особенно с 1876 г. до начала 1920-х. Разумеется, переворот 1917 г. и последующие историко-социальные события — украинская революция (1917–1921), непродолжительный период независимости, политика коренизации, или украинизации²⁵, — способствовали лексическому обогащению украинского языка, связанному с повышением престижа последнего. Однако в этих новых обстоятельствах язык подвергся целенаправленным изменениям, в которых лингвистическая идеология также сыграла свою роль. В вышеуказанный период многочисленные центрально-восточные украинские языковые элементы, более близкие русскому языку вследствие историко-лингвистических причин²⁶, заменялись галицкими (или, в общих чертах, западноукраинскими)²⁷.

В процессе сознательного и несознательного изменения и стандартизации языка УРС, как и диалекты, накапливает и сохраняет много вышедших из употребления элементов церковнославянского или славяно-русского происхождения [DEL GAUDIO 2010: 181–209], например, *воздух* (ср. укр. *повітря*), *количество* (ср. укр. *кількість*) [ФАСМЕР, 1: 333; 2: 291]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что первые сведения о "суржи́ке" как о языковой смеси относятся именно к 20-м гг. XX в. [ЛАРИН 1928: 198]. Хотя, по нашему мнению, начало процесса формирования этой "смеси" в современном значении — как формы отдаления от предыдущих украинских языковых традиций в рамках процесса стандартизации — относится к более ранним периодам (кон. XVIII — пер. пол. XIX вв.)²⁸.

²⁵ Процесс украинизации продолжался с 1920-х до 1932 г.

²⁶ Диалектный континуум, языковые контакты, преобладание русского языка в российской Украине в качестве официального средства научной и коммерческой коммуникации, билингвизм украинской интеллигенции и т. д.

²⁷ Поскольку именно лексические черты больше всего характеризуют УРС, перечислим некоторые лексемы, вошедшие в состав украинского языка посл. четв. XIX в. — нач. XX в., которые И. Нечуй-Левицкий определил как "галицкие" и которые заменили бывшие синонимы: *належний, уроцистий, відомий, переконатися, засада, суспільний, рух* и т. д. [SHEVELOV 1966: 49; 134–147].

²⁸ Разумеется, мы не отрицаем влияния русского языка на украинский, но это влияние — только один из факторов в контексте языковых контактов, и оно не является объектом данного исследования.

В 1933 г. начался обратный процесс, т. е. введение русских элементов или искусственный отбор элементов, имевших общие корни с русским языком, с идеологической целью заменить более “украинские” и, соответственно, западноукраинские формы на подобные русские формы²⁹. Однако следует подчеркнуть один важный аспект: отбор проводился очень тонко, учитывая степень сосуществования и подобия определенных форм в северных и центрально-восточных диалектах [SNEVELOV 1966: 120], ср.: *цукор* > *сахар*, *ліжко* > *кровать*, *помаранча* > *апельсин*, *склянка* > *стакан*, *парасолька* > *зонтик*, *пересічний* > *средний* и многие другие [SNEVELOV 1966: 120–121; РУС 1937].

Искусственное сближение украинского языка с русским в течение последующих десятилетий (1940-е – 1960-е гг.) снова увеличило число тех лексем, которые сегодня, вследствие изменения языковых условий и лингвистической идеологии (явления пуризма), трактуются и заклеиваются как русизмы, а в контексте “с у р ж и к о в о й” речи — как “суржикизмы”. В этом плане можно согласиться с Ф. ГОФЕНЕДЕРОМ [2010: 46]. Однако достоверная классификация определенных лексем как потенциальных русизмов без тщательной этимологической и диалектной проверки невозможна. Даже если ограничиться предложенным МАСЕНКО [2011: 25] списком слов, отобранных из публикации австрийского автора [ГОФЕНЕДЕР 2010: 42], например: *бесіда* — *розмова*, *буква* — *літера*, *вік* — *століття*, *ігнорувати* — *нехтувати*, *кількість* — *число*, *однак* — *проте* и т. д.³⁰, то уже на этой плодотворной почве возможна научная дискуссия³¹. Анализ большинства примеров Масенко показывает, что они действительно представлены в истории украинского языка. Кроме того, старое поколение украиноязычных граждан воспринимает их как родные украинские слова. Приведем некоторые примеры из авторитетных словарей:

- *бесіда* и *розмова*: первое слово принадлежит общеславянскому фонду, что также засвидетельствовано в староукраинской книжной традиции [ЕСУМ, 1: 176; Тимченко, 1: 87];

²⁹ Мы не рассматриваем здесь все те общеизвестные политико-лингвистические меры, принятые для ограничения функции украинского языка, как то: уничтожение словарей, созданных в 1920-е гг., ликвидация терминологических комиссий в составе Института украинского научного языка ВУАН и т. д., которые тоже могли содействовать распространению терминологических русизмов и, следовательно, “суржикизмов”. Для объективной картины ср.: [МАСЕНКО та ін. 2005; ДАНУЛЕНКО 2007: 421–429].

³⁰ Вторые лексемы рассматриваются здесь как “более украинские” слова, которые после сворачивания украинизации “искусственно” вытеснились из узуса для того, чтобы сблизить лексику украинского языка с русской, суживая, таким образом, лексический состав украинского языка.

³¹ В следующем параграфе рассматривается обратный процесс, который происходит в наши дни, — устранение лексем и конструкций, общих с русским языком.

- *буква и літера* — абсолютные синонимы [ЕСУМ, 1: 286; Тимченко, 1: 152];
- *ігнорувати* — старое заимствование из латинского языка [ЕСУМ, 2: 289], существующее в большинстве славянских и европейских языков.

Безусловно, социальные условия послевоенного периода (1950–1970-е гг.) усиливали процесс русификации. В эти годы в контексте нового этапа урбанизации городское население, которое в основном состояло из приезжих сельского происхождения, стремилось перейти на русский язык, чтобы повысить свой социальный статус и создать условия для карьерного роста. В этих условиях первые волны переселенцев “украиноязычного”, не всегда образованного сельского населения перешли с родного говора и “прототипа суржика” к другим формам смешения УРС в городской среде. Эта ситуация также способствовала стереотипному неприятию украинской речи со стороны части русскоязычного городского населения.

4.1. Языковая идеология и явления пуризма в консолидации УРС

Сегодня в украинской интеллектуальной среде наблюдаются латентные или явные тенденции отделения стандартного украинского языка от русского, особенно в его письменной форме. Такие процессы особенно касаются научно-популярного, литературного и публицистического стилей. Подобные процессы устранения потенциальных русизмов из украинского языка и сознательного разграничения общих с русским языком форм и грамматических структур были также характерны для ранних периодов формирования и стандартизации украинского языка. Такие тенденции начали усиливаться в послешевченковскую эпоху. Как говорилось в предыдущем параграфе, это было связано с попытками создать адекватную научно-публицистическую терминологию, которая в публикациях первой половины XIX в. либо отсутствовала, либо была заимствована из ранних вариантов литературных языков, в том числе из русского³², например *розрішеніє, приказаніє* и т. д. [Русанівський 2002: 211].

Целенаправленные изменения в украинском языке оправдываются стремлением создателей “нового” украинского литературного языка доказать самостоятельность этого языка, особенно в отношении “великорусского” [Огієнко 2004: 328–329]³³.

А. Тараненко, обращая внимание на явление пуризма украинского интеллектуального социума 2000-х гг. и разделяя точку зрения

³² Русский язык больше всех других современных восточнославянских языков опирается на литературные традиции, сформированные на украинской земле (имеется в виду прежде всего “славеноросский язык” [DEL GAUDIO 2009]).

³³ Также см. DEL GAUDIO [2010: 203; 224].

И. Огиенко, отметил: “. . . відзначаємо наявне в 20-х рр. у Галичині [. . .] прагнення обминати форми чужих слів, що однакові з російською” [ТАРА-НЕНКО 2005: 87]. На самом деле, как уже упоминалось выше, в 1920-е гг. завершился первый главный этап стандартизации украинского языка. Хотя устранение общих с русским языком элементов и ненаучно, оно применяется и сегодня. Один из лингвистических критериев определения современной нормы украинского языка — это степень подобия с русским языком. Эта современная тенденция усилилась после объявления независимости Украины в 1991 г. и особенно интенсивно проявляется со второй половины 1990-х гг. В связи с этим А. Тараненко под-черкивает, что

пуризм в современной языковой практике направлен на очищение украинского литературного языка не вообще от следов влияния других языков и не против заимствований из польского языка, а только из русского, который (безусловно, вполне справедливо) рассматривается при этом как основной источник внешнего влияния на украинский язык, способный лишить украинский признаков идентичности. В такой борьбе с последствиями влияния русского языка происходит как удаление собственно русизмов, так и не всегда осознанное отвержение в целом образа русского языка, включая присутствующие в нем слова иностранного происхождения, украинские слова, словоформы, фразеологические и синтаксические конструкции, по своей структуре напоминающие соответствующие русские речевые единицы, исторически общие для обоих языков лексемы [ТА-РАНЕНКО 2005: 87]³⁴.

Вместо эквивалентных в обоих языках конструкций стремятся вводить языковые единицы и конструкции, не имеющие аналогов в современном русском языке. Показательна тенденция повышения статуса украинской речи. Во второй половине 1990-х и первой половине 2000-х были опубликованы многочисленные учебники и рекомендации, посвященные культуре украинской речи и акцентирующие внимание на вопросе избавления украинской речи от русизмов и “суржикизмов” [АНТОНЕНКО-ДАВИДОВИЧ 1991³⁵; КАРАВАНСЬКИЙ 1994; ГНАТКЕВИЧ 2000; СЕРБЕНСЬКА 1994; ЄРМОЛЕНКО 2000; АНТИСУРЖИК].

³⁴ Ср. оригинал: “Пуризм у сучасній мовній практиці спрямований на очищення української літературної мови не взагалі від слідів впливу інших мов і не проти запозичень з польської мови, а тільки з російської, яка безперечно розглядається при цьому як основне джерело зовнішнього впливу на українську мову, здатне позбавити її ознак своєї ідентичності. У такій боротьбі з наслідками впливу російської мови відбувається як усунення власне русизмів, так і не завжди усвідомлюване відштовхування взагалі від образу російської мови, у тому числі від наявних у ній іншомовних слів, від українських слів, словоформ, фразеологічних та синтаксичних конструкцій, що структурно можуть нагадувати відповідні російські мовні одиниці, від історично спільних для обох мов одиниць”.

³⁵ Это переиздание книги Б. Д. Антоненко-Давидовича 1970 г., которая действительно содержит ценные лингвистические указания.

Бесспорно, можно понять процесс идеологического и лингвистического самоутверждения и защиты государственного языка, учитывая историко-лингвистические и социальные препятствия в сложных условиях формирования современного украинского литературного языка. Также вполне приемлемо “очищать” язык от чрезмерного количества чужих элементов и внешнего влияния. Действительно, любой литературный язык, в большей или меньшей степени, является искусственным конструктом и результатом долгого процесса совершенствования и выработки норм. Однако критерий языкового дифференцирования не должен базироваться лишь на степени сходства языков, особенно если формальные совпадения связаны, как указано выше, с историческим развитием украинского языка. Такой подход на самом деле увеличивает разрыв между разговорным украинским языком основной массы населения и “стандартизованным” языком узкого круга интеллектуалов и СМИ.

Процесс исключения из современного украинского языка старых общевосточнославянских форм и их трактовка как русских элементов увеличивает количество потенциальных русизмов, а в контексте “суржиковой” речи — “суржикизмов”. Это отражается в языковом сознании молодого поколения, которое в формальных контекстах избегает употреблять в синонимических дублетах те лексемы или конструкции, которые совпадают с русским языком, напр.: *іспит* вм. *екзамен*; *фотокартка* или *світлина* вм. *фотографія*; *довідка* — *справка*; *фахівець* — *спеціаліст*; *відсоток* — *процент*; *з одного боку* — *з одної сторони*; *ми маємо* — *у нас є(сть)* и др.

Кроме того, изменение и сужение (ограничение) синонимического потенциала украинского литературного языка, особенно в его научно-деловом стиле, не только увеличивает количество русизмов-“суржикизмов”, но воспринимается среднестатистическим представителем старшего поколения (50–75 лет) без высшего образования как нечто искусственное, неестественное. Такая спонтанная реакция на предложенный украинский стандарт была отмечена нами во время полевых исследований 2006–2008 гг. у части украиноязычных респондентов, среди которых находились и “суржикоговорящие”³⁶.

Следовательно, прежде чем определить отдельные языковые элементы как “суржик”, необходимо провести скрупулезный анализ текстов на “суржике”, свободный от идеологических догм.

³⁶ Подчеркиваем снова, что региональный вариант украинского языка, на котором говорит респондент, безусловно, играет важную роль в суждении о правильности высказывания. Наши респонденты были выходцами из центрально-северных и восточных областей Украины, в частности, Киевской, Житомирской, Черниговской, Полтавской и Харьковской.

Заключение

В результате исследования автор пришел к следующему выводу: концепция нормы современного украинского и русского литературных языков общепринята для большинства говорящих на этих языках жителей Украины, а именно — многие склонны интерпретировать любые отклонения от нормы как результат смешения языков. Формы такой языковой смеси объединяются под общим названием “суржик”. Тем не менее, когда речь идет о суржике, чаще всего имеются в виду “аномалии” украинской речи под влиянием русской или из-за их смешения. Однако некоторые отклонения от норм стандартного русского языка как в фонетике, так и в отдельных морфосинтаксических конструкциях, наряду с употреблением наименований устойчивых украинских реалий, типичных для устной речи, могут также быть определены как “русский суржик”.

Задача нашего исследования состояла в определении места “суржика” в системе соотношения двух главных конкурирующих языков Украины. Однако для достижения этой цели было необходимо прежде всего подтвердить наш первоначальный тезис о способах образования феномена, который мы определили как “прототип (украинского) суржика” (т. е. результат смешения украинского диалектного субстрата и наследия бывших литературно-языковых традиций Украины с адстратом — русскими языковыми компонентами), и четко выделить сферу его исследования, которая, согласно современной терминологии, относится к украинско-русскому “суржику” (УРС) как самостоятельному идиому.

Для достижения поставленной цели было необходимо также предложить некоторые основные критерии разграничения явления УРС и потенциально существующего “русского суржика” (РУС) в системе взаимодействия украинского и русского языков и других нестандартных явлений украинского социума.

В исследовании показано, что историко-культурные и социолингвистические факторы в своей совокупности содействовали образованию и трактовке феномена, который и пользователи языка, и научное сообщество понимают под УРС. Это непосредственно связано со сложным процессом формирования и стандартизации современного украинского литературного языка. Более того, в формировании понятия “суржик” были также подчеркнуты роль культурно-идеологического контекста и связанное с этим явление пуризма в определенных академических кругах и СМИ. Такой подход к изучению вопроса языковой смеси в рамках языковых контактов особенно интенсифицировался в период после независимости (особенно со втор. пол. 1990-х и до нач. 2010-х гг.). Происходящие в настоящее время трансформации украинских норм со временем еще более отдалят украинский язык от русского, устраняя из

узуса по мере возможности структурные и лексические характеристики, общие для обоих языков. Это означает, что многочисленные лексемы и грамматические конструкции в изменившихся условиях общения воспринимаются либо как русизмы, либо как элементы "суржика" (УРС).

На основе сказанного можно сделать следующий вывод: реальных гибридных форм и русизмов в смешанной украинско-русской речи существенно меньше, чем до настоящего времени предполагалось в ряде "антисуржиковых" публикаций.

Следовательно, для выявления достоверной языковой картины того, что следует рассматривать как "суржик" в широком и узком понимании этого слова, кроме основательного полевого исследования и количественного анализа данных по образцу Ольденбургской социолингвистической школы, необходимо учитывать целый ряд теоретических и практических критериев.

В исследовании не были учтены изменения в языковом ландшафте Украины после введения русского языка наряду с другими языками национальных меньшинств в качестве регионального в некоторых юго-восточных регионах в 2012 г. Также не учтены новые социолингвистические контексты, возникшие вследствие политических событий последних двух лет (2014–2015 гг.).

Бібліографія

Антисуржик

"Антисуржик. Мовний калейдоскоп", *Портал Львівського національного університету ім. І. Франко* (удаленный ресурс; режим доступа: <http://www.franko.lviv.ua/>; последнее обращение: 15.12.2015).

Антоненко-Давидович 1991

Антоненко-Давидович Б. Д., *Як ми говоримо*, Київ, 1991.

Бевзенко та ін. 1978

Бевзенко С. П., Грищенко А. П., Лукінова Т. Б., Німчук В. В., Русанівський В. М., *Історія української мови. Морфологія*, Київ, 1978.

Беликов, Крысин 2001

Беликов В. И., Крысин Л. П., *Социолингвистика*, Москва, 2001.

БРАГА 2011

БРАГА І., "Українсько-російський суржик в соціокомунікативній ситуації ринку", в: *Мова і суспільство*, 2, Львів, 2011, 19–126.

Брицын 1986

Брицын В. М., отв. ред., *Пути повышения культуры русской речи на Украине*, Киев, 1986.

Брицин та ін. 2011

Брицин В. М., Саплин Ю., Труб В. М., "[рец. на:] Salvatore Del Gaudio, «On the Nature of Suržyk: A Double Perspective» (= Wiener Slawistischer Almanach, 75)", *Мовознавство*, 3, 2011, 91–92.

Герд 1998

Герд А. С., “Диалект — региолект — просторечие”, в: *Русский язык в его функционировании: Тезисы международной конференции*, Москва, 1998, 20–21.

Гнаткевич 2000

Гнаткевич Ю., *Уникаймо русизмів в українській мові! (Короткий словник-антисуржик для депутатів Верховної Ради та всіх, хто хоче, щоб його українська мова не була схожою на мову Верки Сердючки)*, Київ, 2000 (цит. по интернет-изданию на сайте «Українське життя в Севастополі»; режим доступа: <http://ukrlife.org/>; последнее обращение: 15.12.2015).

Гнатюк 2005

Гнатюк Л. П., “Мовна свідомість у сучасній лінгвістичній парадигмі”, в: *Українське мовознавство*, 34, Київ, 2005, 3–8.

Гофенедер 2010

Гофенедер Ф., “Радянська мовна політика в Україні. Переклади творів Леніна українською 1930-х та 1950-х рр.”, *Дивослово*, 4, 2010, 37–47.

Дель Гаудио 2010

Дель Гаудио С., “Об украинском варианте русского языка: спорные вопросы”, в: А. Н. Рудяков, ред., *Георусистика. Первое Приближение*, Симферополь, 2010, 69–74.

— 2011

Дель Гаудио С., “О вариативности русского языка на Украине”, *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 2, 2011, 28–36.

— 2014

Дель Гаудио С., “Суржик в системе соотношения украинского и русского языков”, в: *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. V Международный конгресс исследователей русского языка*, Москва, 2014, 625–626.

Дель Гаудио 2007

Дель Гаудио С., “Діалектна взаємодія у творенні суржиків”, в: *Лінгвістичні дослідження*, Харків, 2007, 7–13.

— 2012

Дель Гаудио С., “Чи має суржик систематичний характер і чи можна говорити про «граматику»?”, в: *Мовознавство. Збірник наукових статей. VII Міжнародний конгрес українців (2008)*, Київ, 2012, 41–50.

Дель Гаудио 2010

Дель Гаудио С., “Взаємодія між суржиком та діалектами”, *Мова і культура*, 13/8 (144), 2010, 136–146.

Дель Гаудио, Тарасенко 2008

Дель Гаудио С., Тарасенко Б. В., “Суржик: актуальні питання та аналіз конкретного прикладу”, в: Ю. БЕСТЕРС-ДІЛЬГЕР, ред., *Мовна політика та мовна ситуація в Україні. Аналіз і рекомендації*, Київ, 2008, 316–331.

Демченко 2012

Демченко В., “Про значення терміна *койне* в соціолінгвістиці”, в: *Мова і суспільство*, 3, Львів, 2012, 54–58.

Дика 2011

Дика Л. В., “Суржик і динаміка говіркового мовлення”, *Магістеріум*, 43, 2011, 27–29.

Дошешаль и др. 2011

Дошешаль У, Дубичинский В. В., Ройтер Т., “Суржик: лексико-грамматический и социолінгвістический анализ (на материале аутентичных аудиозаписей телепередач)”, *Русский язык в научном освещении*, 2 (22), 2011, 247–259.

Енциклопедія 2000

РУСАНІВСЬКИЙ В. М., ТАРАНЕНКО О. О., ред., *Українська мова: Енциклопедія*, Київ, 2000 (2-е вид.: 2004; 3-е вид.: 2007).

ЕСУМ, 1–7

Етимологічний словник української мови, 1–7, Київ, 1982–2012.

Єрмоленко 2000

Єрмоленко Є. С., ред., *Культура мови на щодень*, Київ, 2000.

Жовтобрюх та ін. 1980

Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинсько І. І., *Історична граматики української мови*, Київ, 1980.

Ижакевич 1976

Ижакевич Г. П., отв. ред., *Культура русской речи на Украине*, Киев, 1976.

КАРАВАНСЬКИЙ 1994

КАРАВАНСЬКИЙ С., *Секрети української мови*, Київ, 1994.

Квитка-Основьяненко 1969

КВІТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО Гр., *Твори у восьми томах*, 3, Київ, 1969.

Кознарський 1998

КОЗНАРСЬКИЙ Т., "Нотатки на берегах макабресок", *Критика*, 5, 1998, 14–19.

Котляревський 1968

КОТЛЯРЕВСЬКИЙ І., *Енеїда*, Київ, 1968.

Куроختина 2012

КУРОХТИНА Т. Н., "К вопросу об определении понятия «суржик»", *Славяноведение*, 3, 2012, 93–101.

Ларин 1928

ЛАРИН Б., "Мовний побут міста", *Червоний шлях*, 5–6, 1928, 190–198.

МАСЕНКО 2004

МАСЕНКО Л. Т., *Мова і політика*, Київ, 2004.

— 2011

МАСЕНКО Л., *Суржик: між мовою і язиком*, Київ, 2011.

МАСЕНКО та ін. 2005

МАСЕНКО Л., КУБАЙЧУК В., ДЕМСЬКА-КУЛЬЧИЦЬКА О., упоряд., *Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду: документи і матеріали*, Київ, 2005.

Мозер 2012

МОЗЕР М., *Тарас Шевченко і сучасна українська мова: спроба гідної оцінки*, В. Кам'янець, перекл. з нім. мови, Львів, 2012.

Огієнко 2004

ОГІЄНКО І., *Історія української літературної мови*, Київ, 2004.

ОКАРА 2000

ОКАРА А., "Полтавський «суржик» та духовне плебейство", *Слово і час*, 12, 2000, 52–56.

Палінська 2010

ПАЛІНСЬКА О., "Класичний львівський регіолект і його сучасні інтерпретації", в: *Мова і суспільство*, 1, Львів, 2010, 174–180.

Півторак 2001

ПІВТОРАК Г. П., *Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов: міфи і правда про трьох братів слов'янських зі "спільної колиски"*, Київ, 2001.

Радчук 2000

РАДЧУК В., "Суржик як недопереклад", *Українська мова та література*, 11, 2000, 3–4.

РУС 1937

Російсько-український словник, Київ, 1937.

РУСАНІВСЬКИЙ 2002

РУСАНІВСЬКИЙ В. М., *Історія української літературної мови*, Київ, 2002.

СЕРБЕНСЬКА 1994

СЕРБЕНСЬКА О., ред., *Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити*, Львів, 1994.

——— 2002

СЕРБЕНСЬКА О., “Суржик: «низька мова», безлад чи мовна патологія?”, в: *Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. Матеріали наукової конференції 28–29 травня 2001 року*, Київ, 2002, 90–94.

СМШ 1964

Вашенко В. С., ред., *Словник мови Шевченка*, 1–2, Київ, 1964.

СТАВИЦЬКА 2001

СТАВИЦЬКА Л., “Кровозмісне дитя двомовності”, *Критика*, 10, 2001, 14–15.

СУМ 1970–1980

Білодід І., ред., *Словник української мови*, 1–11, Київ, 1970–1980.

ТАРАНЕНКО 2005

ТАРАНЕНКО О. О., “Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української літературної мови і явище пуризму”, *Мовознавство*, 3–4, 2005, 85–104.

——— 2013

ТАРАНЕНКО О., “Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського «суржика» (УРС): сукупність ідіолектів vs. соціолект”, in: G. HENTSCHEL, Hrsg., *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien* (= Studia Slavica Oldenburgensia, 21), Oldenburg, 2013, 27–60.

ТИМЧЕНКО, 1–2

ТИМЧЕНКО Є. К., *Історичний словник українського языка*, 1–2, Київ, 1930–1932.

ТРУБ 2000

ТРУБ В. М., “Явище «суржика» як форма просторіччя в ситуації двомовності”, *Мовознавство*, 1, 2000, 46–58.

ФАСМЕР, 1–4

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, О. Н. ТРУБАЧЕВ, пер., доп., Б. А. ЛАРИН, ред., 2-е изд., 1–4, Москва, 1986–1987.

ФИЛИН 1972

ФИЛИН Ф. П., *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Ленинград, 1972.

ХМЕЛЬКО 2004

ХМЕЛЬКО В. Є., “Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості й тенденції змін за роки незалежності”, *Наукові записки Національного університету “Києво-Могилянська академія”*, 32: *Соціологічні науки*, 2004, 3–15.

ШЕВЕЛЬОВ 2001

ШЕВЕЛЬОВ Ю., *Я – мене – мені... (і довкруги). Спогади*, 1: *В Україні*, Харків, Нью-Йорк, 2001.

AUER 1990

AUER P., “A Discussion Paper on Code Alternation,” in: *Workshop on Concepts, Methodology and Data*, Basel, January 1990, 1990, 69–87.

BERNSAND 2001

BERNSAND N., "Surzhyk and National Identity in Ukrainian Nationalist Language Ideology," *Forum*, 17, 2001, 38–47.

BESTERS-DILGER 2009

BESTERS-DILGER J., ed., *Language Policy and Language Situation in Ukraine. Analysis and Recommendations*, Frankfurt a. Main, Berlin, Wien, etc., 2009.

BILANJUK 2005

BILANJUK L., *Contested Tongues: Language Politics and Cultural Correction in Ukraine*, Ithaca (NY), 2005.

BRACKI 2009

BRACKI A., *Suržyk – historia i terażniejszość*, Gdańsk, 2009.

CLYNE 1992

CLYNE M. G., ed., *Pluricentric Languages. Different Norms in Different Countries*, Berlin, New York, 1992.

DANYLENKO 2007

DANYLENKO A., "The Ukrainian Language in Documents and in Reality," *Harvard Ukrainian Studies*, 29/1–4, 2007, 421–429.

——— 2008

DANYLENKO A., "The Formation of New Standard Ukrainian: From the History of an Undeclared Contest Between Right- and Left-Bank Ukraine in the 18th c.," *Die Welt der Slaven*, 53, 2008, 82–115.

——— 2010

DANYLENKO A., "The Ukrainian Bible and the Valuev circular of 18 July 1863," *Acta Slavica Iaponica*, 28/1, 2010, 1–21.

DEL GAUDIO 2006

DEL GAUDIO S., "On the Nature of Suržyk: Diachronic Aspects," *Wiener Slawistischer Almanach*, 58, 2006, 235–249.

——— 2008

DEL GAUDIO S., "Лексичні діалектизми в суржыку," *Wiener Slawistischer Almanach*, 60, 2008, 355–362.

——— 2009

DEL GAUDIO S., "Роль «славеноросского языка» в истории развития украинского и русского языков," *Wiener Slawistischer Almanach*, 64, 2009, 227–256.

——— 2010

DEL GAUDIO S., *On the Nature of Suržyk: A Double Perspective* (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderbände, 75), München, Berlin, Wien, 2010.

——— 2012

DEL GAUDIO S., "The Russian Language in Ukraine: some unsettled questions about its status as a national variety," in: R. MUHR, ed., *Non-dominant Varieties of Pluricentric Languages. Getting the Picture. In Memory of Prof. Michael Clyne*, Wien et al., 2012, 207–227.

——— 2013

DEL GAUDIO S., "Russian as a Non-dominant Variety in Post-Soviet States: A Comparison," in: R. MUHR, C. AMORÓS NEGRE, C. FERNÁNDEZ JUNCAL, K. ZIMMERMANN, E. PRIETO, N. HERNÁNDEZ, eds., *Exploring Linguistic Standards in Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages*, Frankfurt a. Main et. al., 2013, 343–363.

——— 2014

DEL GAUDIO S., "An Alternative Interpretation of Suržyk: Dialectal and Diachronic Aspects," in: G. HENTSCHEL, O. TARANENKO, S. ZAPRUDSKI, Hrsg., *Trasjanka und Suržyk – gemischte*

- weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt a. Main et. al., 2014, 289–305.
- 2015
DEL GAUDIO S., “Linguistic Ideology and Language Changes in Contemporary Ukrainian Grammar and Lexis,” *Die Welt der Slaven*, 60, 2015, 145–165.
- DEL GAUDIO, IVANOVA 2015
DEL GAUDIO S., IVANOVA O., “A Variety in Formation? Morphosyntactic Variation in Ukrainian-Russian Speech and Press,” in: R. MUHR, D. MARLEY, H. L. KRETZENBACHER, A. BISSOONAUTH, eds., *Pluricentric Languages. New Perspectives in Theory and Description*, Frankfurt a. Main, 2015, 169–193.
- DEL GAUDIO, TARASENKO 2009
DEL GAUDIO S., TARASENKO B. V., “Suržyk: Topical Questions and Analysis of a Concrete Case,” in: [BESTERS DILGER 2009, 327–354].
- FLIER 1998
FLIER M. S., “Suržyk: The Rules of Engagement”, *Harvard Ukrainian Studies* 22, 1998, 113–136.
- 2008
FLIER M. S., “Suržyk or Suržyks,” in: G. HENTSCHEL, S. ZAPRUDSKI, eds., *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and Social Aspects of Their Description and Categorization* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 17), Oldenburg, 2008, 39–56.
- 2012
FLIER M. S., “Suržyk at the Top: The Linguistic Dimension of Kučmagate,” in: A. DANYLENKO, S. VAKULENKO, Hrsg., *Studien zu Sprache, Literatur und Kultur bei der Slaven: Gedenkschrift für George Y. Shevelov aus Anlass seines 100. Geburtstages und 10. Todestages*, München, Berlin, 2012, 245–251.
- HORBATSCH 1987
HORBATSCH O., “Die neueren Entwicklungstendenzen in der ukrainischen Schriftsprache,” in: *Jahrbuch der Ukrainekunde*, München, 1987, 211–223.
- 1988
HORBATSCH O., “Das ukrainisch-russische Sprachgemisch («suržyk») und seine stilistische Funktion im Werk von V. Vynnyčenko und O. Kornijčuk,” in: *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia*, Köln, Wien, 1988, 25–41.
- MOSER 2008
MOSER M., *Taras Ševčenko und die moderne ukrainische Schriftsprache – Versuch einer Würdigung*, München, 2008.
- MOSER 2011
MOSER M., “[rez:] Salvatore Del Gaudio, *On the Nature of Suržyk: A Double Perspective*,” *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 57, 2011, 245–255.
- MUHR 2005
MUHR R., “Language Attitudes and Language Conceptions in Non-dominant Varieties of Pluricentric Languages,” in: R. MUHR, Hrsg., *Standardvariationen und Sprachideologien in verschiedenen Sprachkulturen der Welt. Standard Variations and Language Ideologies in different Language Cultures around the World*, Wien, 2005, 11–20.
- SHEVELOV 1966
SHEVELOV G. Y., *Die ukrainische Schriftsprache 1798–1965: ihre Entwicklung unter dem Einfluß der Dialekte*, Wiesbaden, 1966.
- 1979
SHEVELOV G. Y., *A Historical Phonology of the Ukrainian Language*, Heidelberg, 1979.

References

- Antonenko-Davydovych B. D., *Iak my hovorymo*, Kiev, 1991.
- Auer P., "A Discussion Paper on Code Alternation," in: *Workshop on Concepts, Methodology and Data, Basel, January 1990*, 1990, 69–87.
- Belikov V. I., Krysin L. P., *Sotsiolingvistika*, Moscow, 2001.
- Bernsand N., "Surzhyk and National Identity in Ukrainian Nationalist Language Ideology," *Forum*, 17, 2001, 38–47.
- Besters Dilger J., ed., *Language Policy and Language Situation in Ukraine. Analysis and Recommendations*, Frankfurt a. Main, Berlin, Wien, etc., 2009.
- Bevzenko S. P., Hryshchenko A. P., Lukinova T. B., Nimchuk V. V., Rusaniv's'kyi V. M., *Istoriia ukrains'koï movy. Morfolohiia*, Kiev, 1978.
- Bilanjuk L., *Contested Tongues: Language Politics and Cultural Correction in Ukraine*, Ithaca (NY), 2005.
- Bracki A., *Suržyk – historia i terażniejszość*, Gdańsk, 2009.
- Braha I., "Ukrains'ko-rosiis'kyi surzhyk v sotsio-komunikatyvniï sytuatsii rynku," in: *Mova i suspil'stvo*, 2, Lviv, 2011, 19–126.
- Britsyn V. M., ed., *Puti povysheniia kul'tury russkoi rechi na Ukraine*, Kiev, 1986.
- Britsyn V. M., Saplin Yu., Trub V. M., "[rev.:] Salvatore Del Gaudio, «On the Nature of Suržyk: A Double Perspective» (= Wiener Slawistischer Almanach, 75)," *Movoznavstvo*, 3, 2011, 91–92.
- Clyne M. G., ed., *Pluricentric Languages. Different Norms in Different Countries*, Berlin, New York, 1992.
- Danylenko A., "The Ukrainian Language in Documents and in Reality," *Harvard Ukrainian Studies*, 29/1–4, 2007, 421–429.
- Danylenko A., "The Formation of New Standard Ukrainian: From the History of an Undeclared Contest Between Right- and Left-Bank Ukraine in the 18th c.," *Die Welt der Slaven*, 53, 2008, 82–115.
- Danylenko A., "The Ukrainian Bible and the Value circular of 18 July 1863," *Acta Slavica Iaponica*, 28/1, 2010, 1–21.
- Del Gaudio S., "On the Nature of Suržyk: Diachronic Aspects," *Wiener Slawistischer Almanach*, 58, 2006, 235–249.
- Del Gaudio S., "Dialektna vzaiemodiia u tvorenni surzhyku," in: *Lingvistychni doslidzhennia*, Khar'kov, 2007, 7–13.
- Del Gaudio S., "Leksychni dialektizmy v surzhyku," *Wiener Slawistischer Almanach*, 60, 2008, 355–362.
- Del Gaudio S., "Rol' «slavenorosskogo iazyka» v istorii razvitiia ukrainskogo i russkogo iazykov," *Wiener Slawistischer Almanach*, 64, 2009, 227–256.
- Del Gaudio S., "Ob ukrainskom variante russkogo iazyka: spornye voprosy," in: A. N. Rudyakov, ed., *Georusistika. Pervoe Priblizhenie*, Simferopol, 2010, 69–74.
- Del Gaudio S., *On the Nature of Suržyk: A Double Perspective* (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderbände, 75), München, Berlin, Wien, 2010.
- Del Gaudio S., "Vzaiemodiia mizh surzhykom ta dialektamy," *Mova i kul'tura*, 13/8 (144), 2010, 136–146.
- Del Gaudio S., "O variativnosti russkogo iazyka na Ukraine," *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literaturny i iazyka*, 2, 2011, 28–36.
- "Chy maie surzhyk systematychnyi kharakter i chy mozna hovoryty pro «hramatyku?»" in: *Movoznavstvo. Zbirnyk naukovykh statei. VII Mizhnarodnyi konhres ukrainistiv (2008)*, Kiev, 2012, 41–50.
- Del Gaudio S., "The Russian Language in Ukraine: some unsettled questions about its status as a national variety," in: R. Muhr, ed., *Non-dominant Varieties of Pluricentric Languages. Getting the Picture. In Memory of Prof. Michael Clyne*, Wien et al., 2012, 207–227.
- Del Gaudio S., "Russian as a Non-dominant Variety in Post-Soviet States: A Comparison," in: R. Muhr, K. Amorós Negre, C. Fernández Juncal, K. Zimmermann, E. Prieto, N. Hernández, eds., *Exploring Linguistic Standards in Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages*, Frankfurt a. Main et al., 2013, 343–363.
- Del Gaudio S., "An Alternative Interpretation of Suržyk: Dialectal and Diachronic Aspects," in: G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski, Hrsg., *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt a. Main et al., 2014, 289–305.
- Del Gaudio S., "Suržihik v sisteme sootnosheniia ukrainskogo i russkogo iazykov," in: *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*, Moscow, 2014, 625–626.
- Del Gaudio S., "Linguistic Ideology and Language Changes in Contemporary Ukrainian Grammar and Lexis," *Die Welt der Slaven*, 60, 2015, 145–165.
- Del Gaudio S., Ivanova O., "A Variety in Formation? Morphosyntactic Variation in Ukrainian-Russian Speech and Press," in: R. Muhr, D. Marley, H. L. Kretzenbacher, A. Bissoonauth, eds., *Pluricentric Languages. New Perspectives in Theory and Description*, Frankfurt a. Main, 2015, 169–193.
- Del Gaudio S., Tarasenko B. V., "Surzhyk: aktualni pytannia ta analiz konkretnoho prykladu," in: J. Besters-Dilger, ed., *Movna polityka ta movna sytuatsiia v Ukraini. Analiz i rekomendatsii*, Kiev, 2008, 316–331.
- Del Gaudio S., Tarasenko B. V., "Suržyk: Topical Questions and Analysis of a Concrete Case," in: J. Besters-Dilger, ed., *Language Policy and Language Situation in Ukraine. Analysis and Recommendations*, Frankfurt a. Main et al., 2009, 327–354.

- Demchenko V., "Pro znachennia termina koine v sotsiolingvistytsi," in: *Mova i suspil'stvo*, 3, Lviv, 2012, 54–58.
- Doleshal U., Dubichinsky V., Reuter T., "Surzhyk: a Lexico-Grammatical and Sociolinguistic Analysis (on the Basis of Authentic Material from a TV-show)," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (22), 2011, 247–259.
- Dyka L. V., "Surzhyk i dynamika hovirkovoho movlennia," *Mahisterium*, 43, 2011, 27–29.
- Filin F. P., *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i beloruskogo iazykov*, Leningrad, 1972.
- Flier M. S., "Surzhyk: The Rules of Engagement", *Harvard Ukrainian Studies* 22, 1998, 113–136.
- Flier M. S., "Surzhyk or Surzhyks," in: G. Hentschel, S. Zaprudski, eds., *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Surzhyk: Structural and Social Aspects of Their Description and Categorization* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 17), Oldenburg, 2008, 39–56.
- Flier M. S., "Surzhyk at the Top: The Linguistic Dimension of Kučmagate," in: A. Danylenko, S. Vakulenko, Hrsg., *Studien zu Sprache, Literatur und Kultur bei der Slaven: Gedenkschrift für George Y. Shevelov aus Anlass seines 100. Geburtstages und 10. Todestages*, München, Berlin, 2012, 245–251.
- Gerd A. S., "Dialekt – regiolekt – prostorechie," in: *Russkii iazyk v ego funkcionirovanii*, Moscow, 1998, 20–21.
- Hnatkevych Yu., *Unykaimo rusyzmiv v ukrains'kii movi!* Kiev, 2000.
- Hnatyuk L. P., "Movna svidomist' u suchasni linhvistychnii paradyhmi," in: *Ukrains'ke movoznavstvo*, 34, Kiev, 2005, 3–8.
- Hofeneder F., "Radians'ka movna polityka v Ukraïni. Pereklady tvoriv Lenina ukrains'koiu 1930-kh ta 1950-kh rr.," *Dyvoslovo*, 4, 2010, 37–47.
- Horbatsch O., "Die neueren Entwicklungstendenzen in der ukrainischen Schriftsprache," in: *Jahrbuch der Ukrainekunde*, München, 1987, 211–223.
- Horbatsch O., "Das ukrainisch-russische Sprachgemisch («surzhyk») und seine stilistische Funktion im Werk von V. Vynnychenko und O. Kornijčuk," in: *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia*, Köln, Wien, 1988, 25–41.
- Iermolenko Ie. S., ed., *Kul'tura movy na shchoden'*, Kiev, 2000.
- Izhakevich G. P., ed., *Kul'tura russkoi rechi na Ukraine*, Kiev, 1976.
- Karavans'kyi S., *Sekrety ukrains'koi movy*, Kiev, 1994.
- Khmel'ko V. Ie., "Linhvo-etnichna struktura Ukraïny: rehional'ni osoblyvosti i tendentsii zmin za roki nezalezhnosti," *Naukovi zapysky Natsional'noho universytetu "Kyievo-Mohylians'ka akademiia"*, 32: *Sotsiolohichni nauky*, 2004, 3–15.
- Koznars'kyi T., "Notatky na berehakh makabresok," *Krytyka*, 5, 1998, 14–19.
- Kurokhtina T. N., "K voprosu ob opredelenii poniatii «surzhik»," *Slavianovedenie*, 3, 2012, 93–101.
- Laryn B., "Movnyi pobut mista," *Chervonyi shliakh*, 5–6, 1928, 190–198.
- Masenko L. T., *Mova i Polityka*, Kiev, 2004.
- Masenko L., *Surzhyk: mizh movoiu i iazykom*, Kiev, 2011.
- Masenko L., Kubaichuk V., Demska-Kulczycska O., eds., *Ukrains'ka mova u XX storichchi: istoriia linhvotsydu: dokumenty i materialy*, Kiev, 2005.
- Moser M., *Taras Ševčenko und die moderne ukrainische Schriftsprache – Versuch einer Würdigung*, München, 2008.
- Moser M., "[rez:] Salvatore Del Gaudio, *On the Nature of Surzhyk: A Double Perspective*," *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 57, 2011, 245–255.
- Moser M., *Taras Shevchenko i suchasna ukrains'ka mova: sprobа hidnoi otsinky*, V. Kamyanets, transl., Lviv, 2012.
- Muhr R., "Language Attitudes and Language Conceptions in Non-dominant Varieties of Pluricentric Languages," in: R. Muhr, Hrsg., *Standardvariationen und Sprachideologien in verschiedenen Sprachkulturen der Welt. Standard Variations and Language Ideologies in different Language Cultures around the World*, Wien, 2005, 11–20.
- Ohienko I., *Istoriia ukrains'koi literaturnoi movy*, Kiev, 2004.
- Okara A., "Poltavs'kyi «surzhyk» ta dukhovne plebeystvo," *Slovo i chas*, 12, 2000, 52–56.
- Palins'ka O., "Klasychnyi l'vivs'kyi rehiolekt i ioho suchasni interpretatsii," in: *Mova i suspil'stvo*, 1, Lviv, 2010, 174–180.
- Pivtorak H. P., *Pokhodzhennia ukraïntsv, rosiian, bilorusiv ta ikhnikh mov: myfi i pravda pro tr'okh brativ slov'ians'kykh zi "spil'noi kolysky"*, Kiev, 2001.
- Radchuk V., "Surzhyk iak nedopereklad," *Ukrains'ka mova ta literatura*, 11, 2000, 3–4.
- Rusaniv's'kyi V. M., *Istoriia ukrains'koi literaturnoi movy*, Kiev, 2002.
- Serbens'ka O., ed., *Antysurzhyk. Vchymosia vchlyvo povodytys' i pravyl'no hovoryty*, Lviv, 1994.
- Serbens'ka O., "Surzhyk: «nyz'ka mova», bezlad chy movna patolohiia?" in: *Movni konflikty i harmonizatsiia suspil'stva*, Kiev, 2002, 90–94.
- Shevelov G. Y., *Die ukrainische Schriftsprache 1798–1965: ihre Entwicklung unter dem Einfluß der Dialekte*, Wiesbaden, 1966.
- Shevelov G. Y., *A Historical Phonology of the Ukrainian Language*, Heidelberg, 1979.
- Shevelov G. Y., *Ia – mene – meni... (i dovkruihu)*. *Spohady*, 1: *V Ukraïni*, Kharkov, New York, 2001.
- Stavits'ka L., "Krovozmisne dytia dvomovnosti," *Krytyka*, 10, 2001, 14–15.
- Taranenko O. O., "Suchasni tendentsii do perehliadu normatyvnykh zasad ukrains'koi literaturnoi movy i ivayshche puryzmu," *Movoznavstvo*, 3–4, 2005, 85–104.
- Taranenko O. O., "Variantnist' vs. stabil'nist' u strukturi ukrains'ko-rosiis'koho «surzhyku» (URS):

sukupnist' idiolektiv vs. sotsiolekt," in: G. Hentschel, Hrsg., *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 21), Oldenburg, 2013, 27–60.

Trub V. M., "Iavyshche «surzhyku» iak forma prostorichchia v sytuatsii dvomovnosti," *Movoznavstvo*, 1, 2000, 46–58.

Tymchenko Ie. K., *Istorychnyi slovnyk ukraïns'koho iazyka*, 1–2, Kiev, 1930–1932.

Vasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, O. N. Trubachev, transl., B. A. Larin, ed., 2nd ed., 1–4, Moscow, 1986–1987.

Zhovtobriukh M. A., Volokh O. T., Samiilenko S. P., Slyn'ko I. I., *Istorychna hramatyka ukraïns'koi movy*, Kiev, 1980.

Сальваторе Дель Гаудіо, PhD

Київський національний університет ім. Т. Шевченка, Інститут Філології,
доцент кафедри теорії та практики перекладу з романських мов ім. М. Зерова
01601 Київ, бульв. Т. Шевченка, 14
Україна/Ukraine
sadega@hotmail.com

Received on March 30, 2015